

Юлия Тупикина, iosono@yandex.ru

Учебник дерзости

Гена Иванов, 40 лет.
Лена Иванова, 40 лет.
Алеся Иванова, 16 лет.
Парасюк, 30 лет.
Александра, 50 лет.
Тамара, 50 лет.
Серёжа, 30 лет.
Татьяна, 40 лет.

1. Гена идет по улице.

ГЕНА. Я скучаю по тебе. Всё поменялось. Даже не знаю, как так. Я думал, что же случилось? Я думал, что же? Я думал. Я перестал думать. Просто внутри как будто что-то разрывалось, понимаешь. Я посмотрел в зеркало и увидел у себя в глазах взрывную волну. Она расходилась по всему лицу: фиолетовые тени, зеленые градиенты, острые скулы, глубокие складки. Новый рельеф после взрыва. Я видел человека в метро, у него была кожа после ожога. И часть кожи пересадили с других мест. Веки такие толстые, наверное, раньше они были бедром, или даже ягодицами. Человек не хотел открывать глаза, чтобы не встречаться ни с кем взглядом. А рядом сидела женщина с красными волосами, и сквозь волосы просвечивала голова. Женщина лысела. Я заглянул ей в глаза, но она моргнула и стала смотреть в пол. Совсем еще молодая, нет и пятидесяти. Они не хотели видеть мои взрывы, она не верила в мою теплоту. А потом зашли два пьяных гопника с пивом. Громко и хрипло смеялись. Какой-то студент ушел от них в другой конец вагона. А я смотрел им в глаза, и мне было их жалко. Один гопник разозлился. «Эй, чё залупился?!» - крикнул он мне. А я смотрел и думал: вот же, как беспросветна твоя жизнь, парень, как же склизко там у тебя. Никаких взрывов, а только тина, а еще стекловата и крысиные ходы. Он встал и пошел в другой конец вагона, но потом вернулся и дал мне в глаз.

И я иду по улице, и боль из моей груди поднывает на моём веке, всё гармонично. А воздух такой живой, как будто с бифидобактериями, вибрирует. Воздух исходит из будущих яблоневых цветов и клейких листиков, из земли, летит от оживших жуков и свежих дождевых червей, и даже с перьев новых птиц. Солнце попадает на кору деревьев, и они пахнут. Им тепло, и они выпускают молекулы своего запаха. И новое зелёное разрывает оболочки, и взрывная волна доходит до меня, до моей кожи, до волосков в моём носу, до слюнных желез. Весна. Яйцеклетка выбирает сперматозоиды. Так возникают люди, и так возник ты.

Пьяная женщина идёт распахнутая. Нестабильный вид: молящий взгляд, шатается. Бедная, такая незащищенная! Я хочу проводить её, но кто-то положительный и хмурый аккуратно встречает её тёплой кофтой. Любовь. Я покупаю пиво и сажусь на желто-зеленую ограду. Мне не хочется домой. Дома

нет никого. Вернее, дома Лена и Алеся, но нет никого, так бывает. Подошёл какой-то алкаш и попросил сигарету, но я теперь не курю. Я догнал его и дал денег. Пусть купит себе пива. Раньше я никогда не давал на пиво, знаешь. И вообще, никогда не подавал нищим. Потому что это глупо – все они жулики. А сейчас я поступаю глупо. Но я чувствую, так надо. Но я чувствую.

2. Квартира Серёжи. Лена делает Сереже массаж. Оба в постели, голые.

СЕРЁЖА. Ты такая.

ЛЕНА. Какая?

СЕРЁЖА. Ласковая.

Лена делает Сереже больно, он шипит.

ЛЕНА. Это зажим у тебя тут.

СЕРЁЖА. Полегче.

ЛЕНА. Я спасаю тебя от хондроза. Надо размять.

СЕРЁЖА. Хорошо, что у меня жировая прослойка есть.

ЛЕНА. Да, сильно худые мужики могут таких синяков наставить!

СЕРЁЖА. Но я же не толстый?

ЛЕНА. Нет, конечно. Но толстые – обаяшки. Хотя в постели, наверное, фу.

СЕРЁЖА. Если б они на самом деле были обаяшки, ты бы точно знала, какие они в постели.

ЛЕНА. Да ладно, я не такая, ты же знаешь.

СЕРЁЖА. Зато они.

ЛЕНА. Кстати, отрасти бороду.

СЕРЁЖА. Зачем?

ЛЕНА. У меня никогда не было бородатых.

СЕРЁЖА. Извращенка.

ЛЕНА. И мне нравятся твои волосы под мышками.

СЕРЁЖА. Извращенка.

ЛЕНА. Запах пота.

СЕРЁЖА. Боже.

ЛЕНА. Ладно, мне пора.

СЕРЁЖА. Как всегда, во вторник?

ЛЕНА. Я позвоню.

Лена встает и одевается.

СЕРЁЖА. Не забывай: я спасаю тебя.

ЛЕНА. От одиночества?

СЕРЁЖА. От застоя крови в органах малого таза.

ЛЕНА. Придурок.

СЕРЁЖА. Стой! Ну куда ты так быстро? Я нуждаюсь в твоём языке.

ЛЕНА. Опять? Только что же.

СЕРЁЖА. Да не в этом смысле, как ты могла подумать? Инглиш! Презентацию перевёл, но как-то не знаю. Ну ты же лучше знаешь. Посмотришь?

ЛЕНА. Ну всё, я убежала.

СЕРЁЖА. Так я пришлю?

ЛЕНА. Ну пришли.

Лена уходит.

3. Крыша. Парасюк сосредоточенно фотографирует полураздетую Алесю большой камерой.

АЛЕСЯ. Холодно.

ПАРАСЮК. Нет-нет, руку подними, а подбородок опусти. Да, так.

АЛЕСЯ. А так?

ПАРАСЮК. Нет, не так. Повыше.

АЛЕСЯ. Я замёрзла.

ПАРАСЮК. Работаем, работаем. Вискаря хлебни.

АЛЕСЯ. Да всё равно холодно.

ПАРАСЮК. Зато вырученные от твоих фоток средства пойдут на лечение от рака.

АЛЕСЯ. Какого еще рака?

ПАРАСЮК. Некоторые известные в прошлом фотомодели болеют раком. Например, Жизель.

АЛЕСЯ. Какая ещё Жизель?

ПАРАСЮК. Календарь Пирелли.

АЛЕСЯ. Какой в жопу календарь?

ПАРАСЮК. Боже мой, о чём с тобой разговаривать?

АЛЕСЯ. Так что Жизель?

ПАРАСЮК. Мы твои фотки продадим, получим гонорар и перечислим на лечение. Её спасут.

АЛЕСЯ (*отхлёбывая из бутылки*). Прикольно.

ПАРАСЮК. Что прикольно?

АЛЕСЯ. Ну, прикольно, ты такой ответственный.

ПАРАСЮК. Да-да, вот так замри.

АЛЕСЯ. Стараюсь для Жизель.

ПАРАСЮК. Сделай мне прогиб, попу оттопырь.

АЛЕСЯ. Люблю, когда на меня так смотрят.

ПАРАСЮК. Как?

АЛЕСЯ. Как будто я есть.

ПАРАСЮК. Ты есть.

АЛЕСЯ. Любишь меня?

ПАРАСЮК. Вот так, только глаза опусти, не смотри в камеру.

АЛЕСЯ. Любишь или нет?

ПАРАСЮК. Мы же выяснили этот вопрос.

АЛЕСЯ. Да?

ПАРАСЮК. Да. Ты моя муза. Но мы не будем встречаться.

АЛЕСЯ. Холодно.

ПАРАСЮК. Да-да. Вот так замри. Еще раз. А теперь чуть плечо мне подай.

АЛЕСЯ. Почему?

ПАРАСЮК. Потому. Так, всё, на эту тему не будем больше.

АЛЕСЯ. Я видела тебя с какой-то бабой.

ПАРАСЮК. Бабой. Фу, Алеся, тебе не идёт. Взгляд в тот угол, да, вот так.

АЛЕСЯ. Ты же любишь меня фотографировать, Парасюк.

ПАРАСЮК. Что за манера называть меня по фамилии.

АЛЕСЯ. Ты же любишь...

ПАРАСЮК (*перебивая*). Да, потому что ты красивая и худая.

АЛЕСЯ. А она была толстая и старая.

ПАРАСЮК. Она – глухонемая, и я учу её фотографии, чтобы она могла чем-то зарабатывать на жизнь.

АЛЕСЯ. Спасает, значит, убогих. Парасюк, спаси меня.

ПАРАСЮК. Ты удивительно нетерпимая для своих девятнадцати.

АЛЕСЯ. Зачем же ты спишь со мной?

ПАРАСЮК. Ты же сама этого хотела.

АЛЕСЯ. Да? Правило номер один: никогда не трахайся с мудаками.

Алесья одевается. Парасюк не даёт ей одеваться.

ПАРАСЮК. Какое ещё правило? А? Какое такое правило?

Они занимаются сексом.

4. Гена идет по улице.

ГЕНА. Я тебе расскажу, как надо. Слушай. Главное правило - выжить, выжить любой ценой. Это главное, это самое важное. Сесть в последнюю лодку, и пусть «Титаник» тонет без тебя. Не привыкать к людям. Дружбы не существует. Если кто-то должен умереть, сделай всё, что бы это был не ты. Неудачников избегай. Вообще, рви все отношения, если у кого-то проблемы с деньгами, или вообще проблемы. Деньги – к деньгам: иди туда, где всё в порядке. Чужие проблемы - не твои проблемы. Кому-то сегодня не повезло - хорошо, что это был не я. На трассе авария – проезжай мимо. Собаку сбил – не останавливайся. Кого-то бьют – не смотри. Под окнами орут: помогите! Вызовите милицию! Затыкай уши. Это не твои проблемы. Ты на другой волне – на волне позитива, высоких вибраций, на волне благополучия и процветания. Я так жил всегда. Это мои принципы.

Возле помойки мяукает котёнок. Гена поднимает его и кладет за пазуху, идет дальше.

5. Квартира Ивановых. Гена заходит в квартиру.

ГЕНА. Тут есть кто-нибудь?

ЛЕНА. Тут нет никого.

ГЕНА. А я котёнка принёс.

ЛЕНА. Ты с ума сошел?

ГЕНА. Он там мёрз. Голодный. Весь дрожит.

ЛЕНА. Ген, ты чё, заболел?

ГЕНА. Молоко есть?

ЛЕНА (*всмотревшись в фингал Гены*). Что это?

ГЕНА. Интересно, ему мясо можно или нет еще?

ЛЕНА. Ты подрался что ли?

ГЕНА. Нет, наверно, нельзя. Молоко подогрею.

ЛЕНА. Я тебя с фингалом лет пятнадцать не видела.

ГЕНА. Интересно, девочка или мальчик.

ЛЕНА. Да хватит уже с котом возиться!

ГЕНА. Думаю, мальчик. Я в душ.

ЛЕНА. Что происходит, Гена?

Гена запирается в ванной, заходит Алеся. Оглушительно мяукает котёнок.

ЛЕНА. Ты где шастаешь?

АЛЕСЯ. В библиотеке была.

ЛЕНА. Уроки сделала?

АЛЕСЯ. Давно.

ЛЕНА. Ну что ты врёшь? Ну ладно, посмотрим, как школу закончишь.

АЛЕСЯ. У меня год в запасе.

ЛЕНА. Готовится надо заранее.

АЛЕСЯ. Я с первого класса начала. Даже ещё раньше, ещё в детском саду.

ЛЕНА. Боже мой, какая бестолочь.

АЛЕСЯ. Ну давай, спаси меня. Мне, кстати, нужны новые ботинки, сто раз говорила.

ЛЕНА. Не будешь учиться – не будет ботинок.

АЛЕСЯ. Ты удивительно нетерпимая для своих сорока.

ЛЕНА. Вот же язва.

АЛЕСЯ. Ну дай бабла на ботинки. Ты же на чужих детей даёшь.

ЛЕНА. Я даю деньги на детей, больных тяжелыми болезнями! Речь идет о более серьезных вещах, чем твои ботинки. *(принюхиваясь к Алесе)* Ну-ка стой.

АЛЕСЯ *(уходит на кухню)*. Еда есть?

ЛЕНА. Ещё и пьяная.

АЛЕСЯ. Правило номер два: только ты имеешь смысл.

ЛЕНА. Да пошли вы все. Я на фитнес.

Лена хватается спортивную сумку и уходит из квартиры.

АЛЕСЯ. А откуда тут кошки у нас, маза фака?

6. Квартира Ивановых. Гена в ванной.

ГЕНА. Понимаешь, я не знаю, что происходит. Я помню, когда всё началось, но не понимаю, почему так. Просто теперь у меня как будто кислородное отравление. Помню, лет десять назад лежал с аппендицитом, было так душно. Окна не открывались в больнице, даже форточки. Батареи шпарят, жара. Я мочил простыню и клал её на батарею, она тут же становилась сухой. И воздух был такой сухой, колючий вакуум. А когда я вышел, Лена встретила меня, у неё были такие огромные влажные глаза. И всё кругом было влажное: земля, деревья, небо. У меня даже закудрявились волосы. А главное – было так много кислорода, что я сразу опьянел. Всё стало таким ярким, неоновым: красный плащ Лены, желтые машины, синие биллборды. Был ранний март, и пробрасывал снег, но я чувствовал приближение зелёного. Из-под земли уже пробивалась свежая трава. Лена смеялась, белозубая. Потом мы забрали Алеску от бабушки, и на ней было такое клетчатое красное пальто, я запомнил,

и такая смешная желтая цыплячья шапка. Я тогда почувствовал, что счастлив. Так счастлив, что больно в груди. И вот сейчас больно в груди. Просто больно в груди и нет кожи. Я стал всё чувствовать. Я даже почувствовал Тамару.

7. Офис. Гена, Александра, Тамара. Все сидят за компьютерами.

АЛЕКСАНДРА. Спасать надо.

ТАМАРА. Да, но не их, а нас! Нас от них!

АЛЕКСАНДРА. А их просто убивают.

ТАМАРА. Нас спасают.

АЛЕКСАНДРА. Пусть и мы, и они.

ТАМАРА. Но ведь они нападают на нас.

АЛЕКСАНДРА. Так что же теперь, всех их убивать?

ТАМАРА. Конечно. Нет других вариантов.

АЛЕКСАНДРА. Нет, ну как так? Убивать. Законов нет.

ТАМАРА. А я тебе скажу: законы есть. Есть законы. Но надо думать.

АЛЕКСАНДРА. Спасать надо их, стерилизовать.

ТАМАРА. Нет, убивать, но не на людях. Хотите убивать, пожалуйста, убивайте, но чтобы мы этого не видели. Да, Геннадий Львович? Мы про собак.

Гена кашляет.

ТАМАРА. Я – за порядок. Чтобы зарплата каждый месяц. Правила дорожного движения. Тарифы ЖКХ нормальные. Курс рубля и доллара хороший. Порядок.

АЛЕКСАНДРА. А свобода как?

ТАМАРА. Какая свобода?

АЛЕКСАНДРА. Электоральная.

ТАМАРА. Да погоди ты, я серьёзно, а ты... В магазинах чтоб не обсчитывали. Тут в овощной палатке стою, а он мне перцы зеленые накладывает. Я ему говорю: куда ты? Давай красных мне. А он говорит: да какая разница, они все спелые. Но я-то люблю красного цвета. Я ему говорю: поди, молодым девкам красные ложишь.

АЛЕКСАНДРА. Кладёшь.

ТАМАРА. Кладёт он на нас, на пожилых.

АЛЕКСАНДРА. Пожилых? Молодость — это скорость движения глаз, это легкость юмора, пластичность мышечного тонуса, острота ума...

ТАМАРА (*перебивая*). Да вообще, бардак. Иду вчера – магазин дУхов открыли. «Мир дУхов». А у меня папа полгода как умер, знаете же. А они кощунствуют тут. ДУхами торгуют.

АЛЕКСАНДРА. Магазин духОв, Тома. Духи, парфюм.

ТАМАРА. Да ладно? Мир духОв?

ГЕНА. Тамара, вам страшно?

ТАМАРА. Страшно?

ГЕНА. Мы все умрём. Никто не спасётся.

ТАМАРА. Да?

ГЕНА. У вас друзья есть?

ТАМАРА. Друзья?

ГЕНА. Вы хороший бухгалтер, порядочный человек - у вас должны быть друзья. Подруги какие-нибудь. Мужчины знакомые. Вам же всего пятьдесят.

ТАМАРА. Геннадий Львович.

ГЕНА. Может, вам поехать куда-то в путешествие, развеяться?

АЛЕКСАНДРА. Не поможет ей.

ТАМАРА. Я ездила же в том году в Белоруссию в санаторий.

ГЕНА. Нет, туда, где есть мужчины, где вы можете с кем-то познакомиться. Вы же замуж можете выйти. Это вас спасёт.

ТАМАРА. Не приучена я жопой вертеть и духами вонять.

АЛЕКСАНДРА. Ха-ха!

ТАМАРА. Да!

АЛЕКСАНДРА. Да кому мы нужны-то без этого, Том?

ТАМАРА. Мне уже ничего не нужно. И всё, не отвлекайте меня, у меня баланс.

Тишина, все работают.

8. Квартира Тамары. Гена и Тамара, она спит в своей двуспальной кровати, он лежит рядом.

ГЕНА. И тогда я решил ей помочь. Не смейся! Я выкрал её ключи на полчаса и сделал копии. Переписал адрес. Приехал ночью, в двенадцать. Тихо открыл дверь. Пахло котлетами и таблетками от моли. На полу аккуратно стояла обувь - конечно, чёрного цвета, все три пары. Перламутровые обои на стенах. Ковры на полу. Она спала. Она спала в пижаме своего покойного мужа, так мило. Такая олдскульная пижама в полосочку. Я чуть не расплакался. А ведь она старше меня всего на десять лет. Помню, в лагере закрутил роман с вожатой, мне было пятнадцать, и я был такой развитый, вольная борьба. А ей было двадцать пять. И мы занимались сексом. А потом она забеременела и сделала аборт, и рассказала мне. Сделала и рассказала. Нашла меня, и рассказала. Это в сентябре уже было, мы после школы встретились. Эскимо ели. Надо же, как давно это не вспоминал. Но вряд ли Тома в молодости занималась сексом с подростками.

(Гена тихонько одной рукой обнимает Тамару, она улыбается во сне).

Мы лежали, как в одном коконе, от неё пахло маминым кремом для лица, на голове бигуди. Я как будто делился с ней своим теплом. Я хотел защитить её. Она стала дышать немножко счастливее, я почувствовал. Я разговаривал с её кожей, с сердцем. Послал привет матке, она удивилась. Как давно она спала и не вибрировала, внутри даже выросла опухоль. Я сказал матке: всё будет хорошо, ты ещё молодая, красивая, скоро затанцуешь, скоро у твоей Тамары появится мужчина, он обязательно появится. Матка улыбалась мне тепло и благодарно. Тома заплакала во сне. Я заснул, мне снилась мама.

9. Квартира Тамары, утро. Просыпается Тамара. Она обнаруживает в своей кровати спящего Гену и начинает его бить.

ТАМАРА. А-а-а-а-а!!! Ёб твою мать! Это что же это творится!!! Это что же это такое?!!! Геннадий Львович, вы какого хуя здесь делаете???

ГЕНА. Тс-с-с-с...

ТАМАРА. Вы меня изнасиловали что ли, я не пойму?

ГЕНА. Нет, конечно, Тамара, ну что ты.
 ТАМАРА. Я не понимаю! Я, блядь, не понимаю! Вы как здесь оказались-то?
 ГЕНА. Я сейчас уйду. Тихо-тихо, не волнуйся.
 ТАМАРА. Охренеть!
 ГЕНА. Я тебя спасал! Лечил!
 ТАМАРА. Лечил?
 ГЕНА. Лечил. У тебя миома.
 ТАМАРА. Да откуда ты про мою миому-то узнал?
 ГЕНА. Я теперь экстрасенс, Тамара.
 ТАМАРА. Бля, я говорила – не надо вам на эту йогу было ходить, Геннадий Львович!
 ГЕНА. Всё будет хорошо. Всё будет хорошо, Тамара. Всё будет хорошо.

10. Какой-то балкон. Алеся, Захар сидят на балконе и курят, внутри музыка – видимо, какая-то домашняя вечеринка с домашней дискотекой, собрались школьно-дворовой тусовкой.

ЗАХАР. Ну и, короче, идём мы с пацанами, а тут Дэн. Грустный такой. Чё такое? Проблемы, говорит, в личной жизни, братаны. А ну-ну, подруга бросила. Печалька. И давай его стебать. А Дэн говорит: да ладно, всё ок, я в порядке. Хотите, на спор тачку угоню? Вот, говорит, Ганж, поспорил на мотик, что за ночь уведёт восемь тачек. И чё? И увёл. Но на восьмой спалился, повязали его, такие дела. И Дэн говорит: давайте я на спор угоню тачилу. Одну. На что спорим? Ну, давайте на борд мой, у меня новенький Апо Коинкоин, почти штука косарей. Не, говорим, не катит. Он старый у тебя, покоцанный. Давай на айпадик. Ну, видим, он еще погрустнел. Ну ладно, по рукам. Пошёл он тачилу искать. Во двор зашел, ходит такой весь на измене. Мы там за ним по-тихому. Короче, видим, мужик его какой-то пиздит. Вот мы давай залупаться, прикинь! Подруга кинула, айпад проиграл, да ещё и отпиздили!

(Захар смеётся один).

АЛЕСЯ. Мартынов, ты о чём вообще?
 ЗАХАР. Ты чё, не слушала?
 АЛЕСЯ. Мартынов, ты чё тут вообще сидишь?
 ЗАХАР. Так я, это, покурить хотел с тобой, Иванова.
 АЛЕСЯ. А, ну да.

(пауза)

АЛЕСЯ. А вот у меня прабабушка была артистка. Настоящая артистка, в театре. Самодеятельном. Любили её все. Офицеры любили, белогвардейцы. В эмиграцию звали. Она не поехала, потому что Родину любила, понимаешь, Мартынов? Вот ты всё о тачилах и бордах, а она Родину любила! Такая жизнь у неё была! Столько романов! Состарилась она и к Шолохову поехала в станицу Вешенская, чтобы он о ней «Тихий Дон» написал, продолжение. Ты читал «Тихий Дон», Мартынов?
 ЗАХАР. Читал. В пересказе.

АЛЕСЯ. Я так и знала. А она читала. И приехала к нему, постучалась в ворота. Только её не пустили. Шолохову уже нельзя было волноваться, сердце большое, понимаешь. А если бы она ему всё рассказала, у него бы инсульт случился.

ЗАХАР. Инфаркт.

АЛЕСЯ. Ну инфаркт.

(Захар тянется к Алесе, чтобы поцеловать её, но она отталкивает его).

АЛЕСЯ. Ты чё вообще, Мартынов?

ЗАХАР. Я?

АЛЕСЯ. Ты чё вообще? Ты думаешь, я тут с тобой сейчас целоваться буду?

ЗАХАР. Нет, конечно.

АЛЕСЯ. Ты видишь, как я одета?

ЗАХАР. Ну.

АЛЕСЯ. Ты видишь, у меня траур, Мартынов! Ты видишь? Ты что вообще знаешь о моей жизни, Мартынов? Что ты знаешь? У меня парень погиб вчера.

ЗАХАР. У тебя есть парень?

АЛЕСЯ. Он ехал в армию Родине служить, понимаешь, Мартынов? Вот тебя папа отмажет от армии, а он поехал тебя защищать, Мартынов. И пока ты тут айпадиками развлекаешься, он ехал в вагоне на Дальний Восток, а приехал трупом. Повесили его там в поезде. И почки вырезали на органы. Мать поседела в одну ночь. А мы любили друг друга, понимаешь, Мартынов? Я храню ему верность, понимаешь? Ты вообще понимаешь, что это такое – верность?

ЗАХАР. Офигеть. Чё правда?

АЛЕСЯ. А ты тут материшься.

ЗАХАР. Я больше не буду.

АЛЕСЯ. Всё, Мартынов, оставь меня, у меня мигрень. Я себе вчера все глаза выплакала. Правило номер три: посылай всех на хуй.

ЗАХАР. Алесь, может, тебе чего надо, я не знаю, водички?

АЛЕСЯ. Меня спасти надо, Мартынов. Водички и упаковку снотворного. Две упаковки.

ЗАХАР. Не, ну ты чё? Ну ты чё так? Надо жить! Ты молодая ещё, вон какая красивая...

АЛЕСЯ *(перебивая)*. Всё. Фак офф.

ЗАХАР. Ладно-ладно, я понял. Ну, если чё надо...

Алесь морщится, Захар тихонько уходит, прикрыв за собой дверь.

11. Квартира Серёжи. Лена и Серёжа голые.

СЕРЁЖА. А я тебе нравился раньше?

ЛЕНА. Когда раньше?

СЕРЁЖА. В школе.

ЛЕНА. Нравился, конечно.

СЕРЁЖА. Правда?

ЛЕНА. У тебя задница красивая была.

СЕРЁЖА. И у тебя.

ЛЕНА. И сейчас тоже.

СЕРЁЖА. А если б я не встретил тебя сейчас?

ЛЕНА. Я бы бросилась под тот трамвай.

СЕРЁЖА. Значит, я спас тебя. А ты сразу узнала меня?

ЛЕНА. Я вижу, кто-то пялится, смотрю, вроде, Лысенко. Всё такой же. Думаю: ну давай же уже, идиот, мне через две остановки выходить.

СЕРЁЖА. Странно, я вообще-то, на трамваях не езжу. А в тот день машина не завелась. А помнишь, я тебя до дома проводил?

ЛЕНА. Когда?

СЕРЁЖА. Ну тогда, в школе.

ЛЕНА. Ты был такой свежий, с живыми глазами, я сразу тебя заметила. Вёл себя на уроке только погано всегда, как клоун.

СЕРЁЖА. Внимание привлекал.

ЛЕНА. А я еще не умела таких клоунов затыкать. Молодая была учительница.

СЕРЁЖА. Краснела. А у тебя блузка чуть просвечивала и соски было видно.

ЛЕНА. А потом, в тот день, так устала. Пальцы от мела потрескались. Горло скребло. А главное, голова раскалывалась от вас, дебилов. Выползаю на улицу, а там дождь. И влажно так, и ярко. Зеленые, красные, желтые листья. И ты стоишь. С желтым зонтом дурацким. И глаза такие огромные, влажные.

СЕРЁЖА. У меня температура была. И ещё накурился.

ЛЕНА. И мы шли, а ты говоришь, что температура, и давай про папу рассказывать, что папа у тебя умер тем летом жарким, когда всё было выжжено. И ты приехал в морг, и только там было прохладно. И жара, и папа мёртвый. И папа не пожил толком. И так я почувствовала тебя.

СЕРЁЖА. Жалко стало?

ЛЕНА. Ну да, жалко, но не только. Просто ты так сердечно рассказывал. Как человек человеку. И слушал.

СЕРЁЖА. А ты рассказывала что-то про завуча.

ЛЕНА. А ты слушал.

СЕРЁЖА. Еще Дейл Карнеги учил нас слушать. И сработало – мы же поцеловались.

ЛЕНА. Да, было смешно – целоваться со школьником.

СЕРЁЖА. Почему ты потом так мучила меня?

ЛЕНА. Страшно стало. И противно. Похотливая училка.

СЕРЁЖА. А я и правда влюбился тогда в тебя. Вены пытался резать.

ЛЕНА. Да ладно.

СЕРЁЖА. Да. Идиот. Мама спасла меня – отправила в Ирландию учиться.

ЛЕНА. Боже мой.

СЕРЁЖА. Ты же письма мои не читала.

ЛЕНА. Ну извини.

СЕРЁЖА. Да что теперь.

ЛЕНА. Ну прости меня, слышишь? Я не знала!

СЕРЁЖА. Как такое простить?

ЛЕНА. Ну пожалуйста, прости меня!

СЕРЁЖА. Такое не прощается. Ты очень, очень плохая. Теперь я буду тебе мстить. И так буду мстить, и так, переверну и снова буду мстить!

Лена и Сережа занимаются сексом.

12. Офис. Александра, Тамара, Гена.

АЛЕКСАНДРА. Вчера едем с мужем, а впереди авария – автобус с кем-то столкнулся. Пробка, ползём. А возле автобуса мужик расхаживает, спиной к нам. И так странно идёт, не могу понять. Так странно как-то. Как-то, понимаете, изогнулся в пояснице, что поясница где-то впереди далеко. Ну, такой полноватый, конечно. Но когда он боком повернулся-то, смотрим – да он не полноватый, он очень жирный, огромный, с пузом каким-то тридцатилетним, я не знаю, ноги слоновьи. Он потому изогнулся так, чтобы пузо тащить. И я сразу поняла – водитель. Он – водитель автобуса, точно. Он потому и потолстел не вширь, а вглубь. Чтобы на сиденье сесть, а всё лишнее отросло до руля – ляжки, пузо. Профессиональная деформация. И усы как у «Самоцветов». Жена есть, дети, телевизор, конечно.

(пауза)

Что-то вы такие молчаливые.

(пауза)

А вот я на днях иду, смотрю – алкаши какие-то стоят. Иду и думаю: вот же вы какие отвратительные, вонючие, наверное. И тут собака сзади откуда-то вылезет и за мной бежит. Огромный такой пёс, злой. Так и цапнет сзади. Как я к этим алкашам припустила! Бегу к ним и думаю: мужчины, вы такие сильные, вы меня спасёте! Такими они мне благородными показались. А пёс-то отстал, слава богу. Прохожу мимо тех мужиков и думаю: нет, всё-таки вы какие-то бомжи, грязные, обоссанные, фу.

(пауза)

Это еще что, а вот Лизка-то как пострадала, подруга моя. Очередь была на заправку, утром, все на работу. И Лизка на своих «Жигулях» стоит тоже, уже следующая. И тут вдруг иномарка подъезжает – и прямо перед ней – и заправляется. Лиза вышла из «Жигулей» своих, подходит, там водитель такой молодой, лет тридцать, в тёмных очках. И она ему говорит: «Некрасиво вы поступили, молодой человек, что же вы без очереди, ай-яй-яй!». Ну и вернулась в свою машину, села. Он вышел, и тоже к ней подходит, у неё стекло опущено. Подошел, и как даст ей кулаком в лицо! А потом сел в машину и уехал. И никто не вступился за Лизу. Она потом целый год в себя прийти не могла, в церковь ходила даже.

(пауза)

Томочка, ты как? Как до работы доехала сегодня?

ТАМАРА. На автобусе, как всегда.

АЛЕКСАНДРА. Ну да, ну да. А я сегодня еду, и такое настроение хорошее! Весна! Солнце! Думаю, дай я себе цветы подарю. Муж мне дарит два раза в год.

ТАМАРА. А от кого тогда цветы приносили?

АЛЕКСАНДРА. Когда?

ТАМАРА. Так с полгода уже как. Букетище огромный. В ведро поставили, вонял еще с полмесяца.

АЛЕКСАНДРА. А-а-а, лилии, это тогда, ха-ха-ха! Ну, это один знакомый... партнер, ну... нашей организации потенциальный клиент, мы встретились на конференции, и...

ТАМАРА (*перебивая*). Понятно.

АЛЕКСАНДРА. Ах, Тома, я тебя умоляю, ну что ты сразу...

ТАМАРА (*перебивая*). Да мне что – я женщина свободная, незамужняя, а вот у некоторых семья, муж.

АЛЕКСАНДРА. Тот клиент уже давно сгинул, кстати. Так вот, о чём я говорила? А, да, про фигуры. Я считаю, их надо штрафовать.

ТАМАРА. Кого?

АЛЕКСАНДРА. Тех, кто так себя запустил. Ну нельзя же! Я и зарядку делаю, и на велосипеде, и бегаю, и пилатес! И не только я, многие, многие девочки! И жареное не едим, и всякие проростки едим, я не знаю. А наши ровесники-мужики? Это мрак! Морды как старая говядина, красные, пуза эти...

ТАМАРА (*перебивая*). А я, вот, не бегаю, и не пилатес. И чё?

АЛЕКСАНДРА. Ничего, ты и так хорошо выглядишь, в нашем возрасте...

ТАМАРА (*перебивая*). Ты что, хочешь сказать, я старая?

АЛЕКСАНДРА. Да что ты! Мы же ровесницы! У нас отличный возраст! Мы теперь можем даже душиться духами «Я – шлюха», и это не испортит нашу репутацию, наоборот...

ТАМАРА (*перебивая*). Так я выгляжу моложе тебя?

АЛЕКСАНДРА. Моложе? Ну, не знаю. Ну может, когда вертикальные полосы, свободный крой...

ТАМАРА (*перебивая*). Ты что, Александра Евгеньевна, хочешь сказать, я толстая?

АЛЕКСАНДРА. Да нет, что ты, что ты, Тома! Совсем худая! Вот и Геннадий Львович подтвердит...

ТАМАРА. Хватит издеваться! Вертихвостка!

Тамара плачет и убегает в туалет.

АЛЕКСАНДРА. Что это с ней?

ГЕНА. Оживает.

АЛЕКСАНДРА. Оживает?

ГЕНА. Оттаивает. Александра, скажите, вы счастливы с мужем?

АЛЕКСАНДРА. Что?

ГЕНА. Вы счастливы с мужем?

АЛЕКСАНДРА. Я?

ГЕНА. Вы. Вы счастливы?

АЛЕКСАНДРА (*наигранно смеётся*). Ха-ха-ха! Геннадий Львович! Вы такой парадоксальный! Ха-ха-ха! Люблю, когда мужчины задают неожиданные вопросы!

ГЕНА. Александра, вы очень красивая и сексуальная женщина. И если он про это забыл, то он не прав, очень, очень не прав. Я уверен, все мужчины, если посмотрят на вас дольше пяти секунд, заобожают вас.

Гена подходит и целует Александру в губы, а потом возвращается за свой рабочий стол и работает.

13. Гена идет по улице.

ГЕНА. Спрашиваешь: почему? Я сделал это, потому что она этого хотела, точно. Я почувствовал – она звала. Я почувствовал, как она красит губы утром, и помада затекает в мелкие морщинки вокруг рта, и ей страшно, конечно, ей страшно, очень страшно остаться без любви, очень страшно стать невидимкой, когда никто не хочет поцеловать тебя в губы. Я шел по улице, и навстречу мне шли эти женщины с грустными глазами, и сердце разрывалось. Но что я мог сделать для них? Что я мог сделать, скажи? Они бы хотели, чтобы я обнял их, поцеловал, а потом пошел к ним домой и съел их ужин, и мы бы вместе выпили вина, а может быть, мы выпили бы вина в антракте спектакля про любовь, или вместе потанцевали бы, или плавали бы в море, а на берегу гладили бы друг друга, как будто намазывая солнцезащитный крем, а потом в номере делали бы то же самое без крема. Их было так много – этих женщин вокруг пятидесяти с крашеными волосами, одетых в платья, заманивающих бусами. Но всё напрасно, ничего не срабатывало - у всех у них были грустные глаза. Говорят, неплодотворенные самки хорька умирают через год.

14. Квартира Парасюка. Алеся моет посуду, Парасюк сидит на стуле.

ПАРАСЮК. Что ты делаешь?

АЛЕСЯ. Что?

ПАРАСЮК. Что ты делаешь?

АЛЕСЯ. Мою посуду.

ПАРАСЮК. Зачем?

АЛЕСЯ. Что?

ПАРАСЮК. Зачем?

АЛЕСЯ. Полная раковина скопилась.

ПАРАСЮК. Может, ты мне еще рубашки погладишь?

АЛЕСЯ. Я говорю – «сорочки».

ПАРАСЮК. Рубашки.

АЛЕСЯ. Хорошо, давай поглажу рубашки.

(Парасюк закрывает кран с водой, но Алеся всё равно трёт губкой тарелки).

ПАРАСЮК. Сядь, поговорим.

(Алеся садится).

Я позвонил тебе вчера на домашний телефон.

АЛЕСЯ. Откуда ты его знаешь?

ПАРАСЮК. Ты как-то позвонила с него мне на мобильник, я записал. Я позвонил тебе, и мама сказала, что ты у школьной подруги. Я спросил – пойдешь ли ты завтра в школу, она сказала «да, конечно».

АЛЕСЯ. Я хорошо учусь.

ПАРАСЮК. Да?

АЛЕСЯ. Да. У меня пятерки.

ПАРАСЮК. Так сколько тебе лет?

АЛЕСЯ. Я тебе говорила – девятнадцать. Просто я несколько раз оставалась на второй год.

ПАРАСЮК. В общем, теперь мы уже точно не можем встречаться. И ты сюда не можешь приходить. Более того, ты запорола мне несколько фотосессий. Я их не могу нигде выставлять, раз ты несовершеннолетняя.

АЛЕСЯ. Печалька. И Жизель останется без бабок.

ПАРАСЮК. Дура. Всё, теперь ты уйдешь, и мы всё это забудем.

АЛЕСЯ. Подари мне на память свои трусы.

ПАРАСЮК. Всё, давай. Ты очень клёвая. Давай созвонимся через пару лет, когда тебе будет восемнадцать.

АЛЕСЯ. Может, останемся друзьями?

ПАРАСЮК. Ага.

АЛЕСЯ. Может, подвезёшь меня?

ПАРАСЮК. Через пару лет.

АЛЕСЯ (*в дверях*). А трусы твои я уже забрала. Правило номер четыре: бери всё, что тебе нравится, не спрашивая разрешения.

ПАРАСЮК. Идиотка.

15. Лена и Серёжа на выставке фотографий.

ЛЕНА. Смотри, какой интересный баланс белого.

СЕРЕЖА. И грудь красивая.

ЛЕНА. Смотри, а здесь мультиэкспозиция.

СЕРЕЖА. И грудь красивая.

ЛЕНА. Дебил.

СЕРЕЖА. И где ты таких слов нахваталась?

ЛЕНА. Дебил?

СЕРЕЖА. Мультиэкспозиция.

ЛЕНА. У меня хобби такое – фотография.

СЕРЕЖА. Ты мне не говорила.

ЛЕНА. Да чё с тобой разговаривать.

СЕРЕЖА. Иди сюда.

(Серёжа, скрываясь от других посетителей, запикивает руку Лены себе в брюки).

ЛЕНА (*пытаясь вырваться*). С ума сошел?

СЕРЕЖА. Тихо.

ЛЕНА. Ты что, трусы не надел?

СЕРЕЖА. Тихо.

ЛЕНА. Блин, ну ты идиот.

СЕРЕЖА. Продолжай.

ЛЕНА. Отпусти, вдруг увидят.

СЕРЕЖА. Не увидят.

ЛЕНА. Кошмар.

СЕРЕЖА. Да, вот так хорошо.

ЛЕНА. Ужас какой-то. Блин, ну ты идиот. Ну всё, люди идут.

СЕРЕЖА. Пойдем в мужской туалет, там никого.

Сергея и Лена уходят в мужской туалет.

16. Гена идет по улице.

ГЕНА. Тело. Горячее, белое, острое, вибрирующее. Мятное, круглое, свежее, мокрое. Мятое, затхлое, бархатное, синюшное. Тело ведёт нас. Заставляет бросаться на чужое, чтобы получить счастье. Унижает. Пугает. Просит, молит, болит. Люди маются телом, тело мается людьми. Я хочу им сказать: не мучайтесь, люди! Я несу вам письма счастья! Я написал 500 писем счастья, и несу их на почту. Как же вам повезло, вам, и вам! Вы получите моё письмо, и там написано что-то важное, и вложена часть моего тела. Волосы, с ног, с рук и с головы, кому-то кусочек ногтя – всё, что я смог собрать. Весь урожай моего тела, всё сухое и растущее, всё лучшее. Вы получите часть меня, часть моей силы. Берите! Мне не жалко! Берите! Храните – это сделает вас счастливее. Я чувствую, я знаю. Я точно знаю.

На почте сонно и обшарпано и снова та мамочка. Я видел её два дня назад, когда приносил первую партию писем. Она снова в чём-то чёрном, конечно, и снова черные тени вокруг глаз – не высыпается. В коляске ребенок вываливается щеками и улыбается, но мамочка сонная. Мне кажется, этот ребенок похож на тебя. А она - спящая красавица с жидкими волосами. Она снова стоит в очереди, чтобы получить свою посылку из интернет-магазина. Она живёт ночью, когда заказывает все эти тряпочки, когда бешеный пульс и бешеные скидки. А днём она спит, днём скучно. Что же ты там получила, дорогая? Платье не по размеру? Туфли не того оттенка? Купальник, куда не поместится твоя кормящая грудь? Я хочу разбудить тебя, проснись! Выйди из своего одиночества, как из запоя. Позвони мне, вот мой номер. Я умею помогать голосом.

Я написал в своих письмах: «Люди! Будьте счастливы! Пожалуйста, будьте счастливы, пожалуйста, пожалуйста!»

И ты, пожалуйста, тоже. Пожалуйста.

17. Крыша. Алеся и Захар сидят на краю и смотрят вниз.

ЗАХАР. Вау!

АЛЕСЯ. Классно, да?

ЗАХАР. Вот куда девок водить надо. Папе скажу.

АЛЕСЯ. Ха-ха, смешно!

ЗАХАР. А что, он у нас знаешь, какой любитель! В худшие времена по две. И мне всё рассказывает.

АЛЕСЯ. А мама?

ЗАХАР. А мама с его друзьями мутит иногда. Но только иногда. А папаня у меня молоток! Только на таблетках уже.

АЛЕСЯ. На каких?

ЗАХАР. На «Виагре». Старенький стал.

АЛЕСЯ. Тоже рассказывает тебе?

ЗАХАР. Ну да. Ты, говорит, Захар, время-то не теряй, пользуйся девками, пока здоровье есть. Пока без таблеток можно.

АЛЕСЯ. Фу, противно слушать, давай тему сменим.

ЗАХАР. Давай. Как ты нашла эту крышу?

АЛЕСЯ. В этом доме жил он.

ЗАХАР. Кто он?

АЛЕСЯ. Мой парень.

ЗАХАР. Не хило. Новостройка в центре города.

АЛЕСЯ. Тебя интересует только материальный мир, Мартынов?

ЗАХАР. Не только. Не только, Алеся. Всё хочу спросить, а почему ты своё имя пишешь через «а»?

АЛЕСЯ. Потому что «а» - первая буква алфавита.

ЗАХАР. А, ну-ну. А меня Захар зовут, тоже где-то в начале. Хорошо, не Яков.

АЛЕСЯ. Мартынов, мы учимся с первого класса, ты думаешь, я не знаю, как тебя зовут?

ЗАХАР. А ты долго будешь хранить, ну, эту, ну...

АЛЕСЯ. Что?

ЗАХАР. Верность. Верность этому своему парню без почек.

АЛЕСЯ. Ты идиот, Мартынов.

ЗАХАР. Я перестал материться.

АЛЕСЯ. Всё равно идиот.

ЗАХАР (*доставая косячок*). Курить будешь?

АЛЕСЯ. Гадость какая-нибудь?

ЗАХАР. Растения. Экологически чистое удовольствие.

(Они курят. Молчат).

ЗАХАР. Я тебе нравлюсь?

АЛЕСЯ. С чего бы?

ЗАХАР. Мы сидим вместе на физике.

АЛЕСЯ. Только на физике.

ЗАХАР. Провожая тебя после школы.

АЛЕСЯ. Просто по-соседски.

ЗАХАР. Мы целовались год назад.

АЛЕСЯ. Надо же на ком-то тренироваться. Правило номер пять: используй людей как биомассу.

(Захар смеётся, Алеся нет).

ЗАХАР. Дура. Покажи сиськи.

АЛЕСЯ. Чё?

ЗАХАР. Покажи сиськи. Ему же показывала.

АЛЕСЯ. Кому?

ЗАХАР. Хрену-фотографу. Я всё знаю.

АЛЕСЯ. В смысле?

ЗАХАР. Ты всё придумала про своего солдата, да? Иванова, ты шизофреничка, ты знаешь? Тебе лечиться надо.

АЛЕСЯ. Ты чё? Офигел?

ЗАХАР. Я поговорил с девками из класса, они мне всё рассказали. Не было никакого парня без почек, ты всё выдумала! Ты трахалась с каким-то фотографом! Он тебя снимал голую! Ты сама идиотка!

АЛЕСЯ. Иди отсюда, Мартынов.

ЗАХАР. И теперь он тебя бросил! Зачем ему малолетка, на фига? А ты по крышам таскаешься, идиотка.

АЛЕСЯ. Вали отсюда. Правило номер шесть: уродов нужно отстреливать!

ЗАХАР. Потому что он тебя не любил! Он просто хотел трахаться, а ты привязалась к нему, малолетка! А я-то, как лох, спасаю тут тебя, в кино вожу! По крышам гуляю с тобой, чтоб не спрыгнула! А ты спрыгнула с катушек.

АЛЕСЯ. Я сказала: вали отсюда!

ЗАХАР. Дура! Он сначала выкладывал эти фотки, и девки их сохранили, а потом убрал. Но девки выложили их в фейсбук, ты видела? Ты видела? Ты теперь звезда, Иванова!

АЛЕСЯ. Ненавижу тебя. Правило номер семь: осторожно - вокруг говно!

Алеся убегает, Захар смеётся.

18. Гена идёт по улице.

ГЕНА. Я расскажу тебе, что было вчера. Я торопился, я шел с работы быстро. Был удивительно душный день, даже жарко. Солнце грело стены зданий из стекла и бетона, и они поджаривали меня. Я достал платок и протёр лоб, и побежал дальше. Вот, вот оно здание суда. Металлоискатель, приставы с дубинками. Нет, у меня нет с собой оружия, баллончиков, и взрывающихся предметов. Вот этот зал. Седой, загорелый человек сидит в стакане. Он сутулится и внимательно смотрит на всех нас, вытирает лоб платком. Бубнит моль-прокурорша. Мы ровесники с ним, оказывается. Его зовут Артём. Здравствуй, Артём. Что же ты тут сидишь, Артём, на улице посвежее. «Нарушая правила проведения массовых мероприятий, начал двигаться за пределы согласованного места проведения акции», говорят они. Шаг влево, шаг вправо – и ты уже в стакане. «Прорвал кольцо оцепления», говорят они. Эти слова из моего детства, мы так играли в войнушку, помнишь, Артём? Ведь ты тоже играл, играл же. «Применил насилие к сотрудникам полиции и скрылся». Да, чувак, это ты зря, это ты зря сделал. Теперь сидишь в стакане и потеешь. Свидетели. Девушка. Ты пытался спасти девушку, которую поволокли в автозак. Пострадавшие. Тот самый полицейский. Он применял к вам насилие? Полицейский как-то мнётся. Ему неудобно. Он спрашивает: а что такое насилие? Подсудимый тянул на себя девушку, препятствовал моему действию, хватал меня за руку. Артём бледный, с него течёт пот, и это видно даже через стекло. А они всё бубнят. «Выкрикивал лозунги». Нет, говорит адвокат, подсудимый страдает заиканием, он не мог выкрикивать лозунги, и вот же запись... Чувак, зачем тебе это? Ты еще и заика. В моём классе был заика, его, конечно, дразнили. Никогда не выбирал себе в друзья ущербных. Мне казалось, это глупо. Дружить надо с сильными, неуязвимыми, дружить надо с... Артём встаёт, он просит дать ему слово, он говорит. Он говорит мало, но долго и мучительно, так что судья хмурится, судья оторвался от своего айпада и хмурится. Слова продираются через стекло к нам, через напряжение согласных, через судороги звука. Мне не хватает воздуха, говорит он, мне жарко. Я не слышу прокурора и адвоката, мне нечем дышать. Выпустите, выпустите меня из стакана, помогите! Судья морщится, судья отказывает. Судья тоже дружил в школе с неуязвимыми и сильными, и продолжает дружить. Извини, братан, извини. Я ничем не могу помочь тебе. Ты попал в безвоздушное пространство.

Может быть, ты выживешь. Я встаю, я убегаю из зала суда. Мне тоже не хватает воздуха и жарко. Я вырвался, я на свободе. Каждый сам за себя. Я бегу по улице, но мне не хватает воздуха и жарко. Мой стакан вокруг меня, и звуки улицы продаются ко мне через судороги. Пожалуйста, помогите мне! Помогите! Выпустите меня отсюда!

19. Гена и Татьяна. Гена плачет.

ТАТЬЯНА. Да, слёзы на глаза наворачиваются.

ГЕНА. Сердце разрывается.

ТАТЬЯНА. Песни душевные.

ГЕНА. Особенно «Котёнок».

ТАТЬЯНА (*напевая*). Пусть я давно не ребёнок, стоит зима у дверей, но есть на свете котёнок в бродячей жизни моей. Котёнок бродячей жизни моей, котёнок бродячей жизни моей.

(Гена рыдает).

ТАТЬЯНА. Ну что вы, Геннадий Львович, что вы? Воды принести?

ГЕНА. Не надо, спасибо. Просто дети так душевно пели.

ТАТЬЯНА. Всё благодаря нашим педагогам. Мы долго репетировали, столько сил.

ГЕНА. Да. И дети... Так старались.

ТАТЬЯНА. Признаться, Геннадий Львович, вы нас напугали поначалу. Приходит мужчина, говорит, что хочет делать с сиротами открытки.

ГЕНА. А что в этом страшного. Вы же сами говорите, к вам часто приходят волонтеры. Вон, мастер-класс провели по стрит-арту.

ТАТЬЯНА. Да, провели. Из нефтегазовой компании к нам обратились, не какие-нибудь уличные художники. Топ-менеджеры пришли! На поршах приехали! Столько телевидения было! Конечно, мы разрешили. Стену отдали им.

ГЕНА. Толстый дебил с горящей палкой.

ТАТЬЯНА. Мальчик! Жизнерадостный мальчик с факелом! Факел работает на газу. Природные ресурсы родины.

ГЕНА. Сталинский ампир.

ТАТЬЯНА. Да хоть брежневское рококо. Пусть малюют хоть... обнажённых. Они нам дали денег и на новую сантехнику, и на шторы, и на выезд всем детским домом к морю. Не говорю уже о том, что значительно пополнили фонд подарков – на несколько лет вперёд. Поймите, к нам часто обращаются желающие, так сказать, проронить слезу над сиротами, но мы не всем идём навстречу. Мы выбираем только самых, так сказать, уважаемых господ. Сами подумайте, мы тратим на это ресурсы: своё время, время детей, в конце концов. Они бы хотели после школы сидеть и делать уроки. Но вынуждены репетировать. Опять же, наш музыкальный руководитель тщательно отбирает репертуар. Это должны быть самые жалостные песни, песни про любовь к маме, к родине. Каждый раз мы показываем благодетелям концерт, репертуар надо обновлять.

ГЕНА. Да, репертуар у вас – тяжёлая артиллерия. Песня про мамонтёнка меня просто порвала на лоскутки.

ТАТЬЯНА (*поёт*). Пусть мама услышит, пусть мама поймёт, пусть мама меня непременно найдёт, ведь так не бывает на свете, чтоб были потеряны дети!

(Гена хватается за платок).

ТАТЬЯНА. Поэтому, увидев ваши серьёзные намерения, мы разрешили вам прийти с мастер-классом.

ГЕНА. Я продал для этого машину.

ТАТЬЯНА. Правильно. Правильно! В нашем обществе слишком много равнодушных, поэтому долг каждого порядочного человека... Кстати, как прошел мастер-класс?

ГЕНА. Замечательно. Дети такие молодцы...

ТАТЬЯНА. Наши педагоги очень стараются. Послушные дети – их заслуга и великая работа, ведь попадают такие! Даже не буду рассказывать.

ГЕНА. Дети – такие молодцы, у них такая фантазия, я предложил им поэкспериментировать с бумагой. Они сначала робели. А потом такое забабали!

ТАТЬЯНА. Вот «забали» – нам не надо. Я же вам говорила: для наших детей лучше инструкция, лучше что-то простое и понятное, а ещё лучше знакомое.

ГЕНА. Но Татьяна Ивановна! Вы совершенно напрасно беспокоитесь! Они справились с блеском! Нам всем было ужасно интересно...

ТАТЬЯНА (*перебивая*). Вы поймите, Геннадий Львович, у нас не просто дети, у нас особые дети.

ГЕНА. А что же в них особенного?

ТАТЬЯНА. Они сироты. И я как педагог с двадцатилетним стажем, как кандидат психологических наук без пяти минут говорю вам: это особые дети. Им нужен чёткий распорядок: школа, уроки, школа, уроки, досуг - телевизор. К нам многие обращаются с просьбой подарить детям билеты в театр. Мы всегда отказываемся.

ГЕНА. Да? А почему?

ТАТЬЯНА. Потому что театр слишком сильно волнует наших детей. После театра они становятся непослушные, или какие-то задумчивые, в общем, это стрессогенный фактор.

ГЕНА. Но ведь театр...

ТАТЬЯНА (*перебивая*). Нет-нет! Никаких возражений! Мы за стабильность. И взять ваши книжки...

ГЕНА. А что с моими книжками? Я просто купил детских книг, чтобы подарить каждому, это хорошие книги...

ТАТЬЯНА (*перебивая*). Хорошие, но не для наших детей! Вы забываете, что у нас особые дети. А ваши книги, как бы это сказать...

ГЕНА. Стрессогенный фактор?

ТАТЬЯНА. Да, вот именно. (*вынимает из стопки одну книгу*) Ну вот взять хотя бы эту.

ГЕНА. Это отличная книга! Это классик немецкой иллюстрации Вольф Эльбрух. И сказка такая хорошая, добрая, я прочитал – так хохотал!

ТАТЬЯНА. Сказка чудовищная. «Дрозд для фрау Мюллер». Порядочная дама учит дрозденка летать. Чудовищно. Ну это ладно, я не специалист. Но картинки!

ГЕНА. А что картинки? По-моему, отличные картинки! Это же Вольф Эльбрух! Обладатель международных премий по детской иллюстрации! Это же...

ТАТЬЯНА (*перебивая*). Я не знаю, что там за премии, и кому попало их дают. Но вот, что я точно могу сказать – нашим детям это не подходит.

ГЕНА. Но почему?

ТАТЬЯНА. Потому что наши дети видят мир чистыми голубыми глазами, они видят мир красивым и невинным. (*доставая из другой стопки книгу*) Вот, посмотрите, какая превосходная книга.

ГЕНА (*рассматривая*). По-моему, полное говно.

ТАТЬЯНА. Геннадий Львович! Я попрошу не употреблять таких слов при разговоре с кандидатом педагогических наук без пяти минут!

ГЕНА. Но это же говно. Радуга, ангелы белокурые с голубыми глазами, розы, Христос плывет на лодке, стирая длани.

ТАТЬЯНА. Это одна из книг, я просто показала вам образец того искусства, что подходит для наших детей. Наши дети...

ГЕНА (*перебивая*). Особые дети. Я понял. Послушайте, Татьяна.

ТАТЬЯНА. Ивановна.

ГЕНА. Ивановна. Я не говорю, что нужно сжечь этот треш с белокурыми ангелами и отрезать пальцы художнику. Пусть художник живёт с пальцами, так и быть – всё равно ему потом гореть в аду – справедливость восторжествует. Но я говорю, что пусть будут разные краски в палитре. Пусть у ваших детей будут разные книжки, и хорошие с Вольфом Эльбрухом тоже. Пусть...

ТАТЬЯНА (*перебивая*). Нет, вы не поняли, Геннадий Львович! Тут никакого выбора быть не должно. В вопросах нравственности...

(Гена расстегивает рубашку).

Что вы делаете?

ГЕНА (*раздеваясь*). Вопросы нравственности – это такие скользкие, липкие вопросы, дорогая моя. Ты – мне чужая, в тебе нет ни капли моей спермы, и никогда не будет.

ТАТЬЯНА. Боже мой! Охрана!

ГЕНА (*раздеваясь*). Но я просто хочу, чтобы ты была абсолютно искренна, когда говоришь о нравственности. Абсолютно открыта.

ТАТЬЯНА. Охрана! Охрана!

ГЕНА (*раздеваясь*). Ты замужем, и счастлива с мужем, я вижу. Но вы играете роли, вы не близкие люди. Ты приходишь домой, готовишь ужин, он спрашивает, как дела, и ты слушаешь минуту, потом сама рассказываешь. Уютно. Удобно. Телевизор. Но вы врётё. Вы всё врётё! Это какие-то картонные фигуры: муж и жена, фальшивые картонки. Нет никакого мужа и жены, есть просто чужие люди, которые договорились. И ты не любишь детей. Тебе их жалко, конечно, ты же не монстр, но ты не любишь детей. И вообще людей не любишь. И себя не любишь. Ты не умеешь любить. И никогда не научишься. У тебя врожденный порок сердца, я вижу. Ты сделаешь операцию, и потомставишь кардиостимулятор. И твоё сердце будет биться искусственно, под влиянием электричества. Под током, как Франкенштейн. Но это лучше, чем сдохнуть снежной королевой! Это лучше, чем сдохнуть снежной королевой! Это лучше, чем сдохнуть снежной королевой!

Гена голый. В кабинет вбегает охранник, валит его на пол и бьёт дубинкой.

20. *Серёжа и Лена гуляют в парке.*

ЛЕНА. Во-первых, у тебя потрясающие коммуникативные способности. И такой опыт. Знание языков, харизма.

СЕРЁЖА. Да. Но письменный английский не очень.

ЛЕНА. Исправим. Ты же занимаешься.

СЕРЁЖА. Спасибо за книжку, кстати, клёвая. Учебник то есть.

ЛЕНА. Ю а вълкам. Я уверена, через год у тебя будет уже головокружительная карьера. Ты и так движешься вверх довольно стремительно.

СЕРЁЖА. Как хорошо, что ты веришь в меня.

ЛЕНА. Я иногда задумываюсь о себе. Ну менеджер, и что? От тоски удавиться.

СЕРЁЖА. С тобой хорошо.

ЛЕНА. Не знаю, лучше бы в школе работала. Может, вернуться в школу?

СЕРЁЖА. Ты заметила, сколько девушек на роликах?

ЛЕНА. Да?

СЕРЁЖА. Много. Они надевают ролики, чтобы ноги длиннее казались.

ЛЕНА. Думаешь? Так как ты думаешь: вернуться мне в школу?

СЕРЁЖА. Не знаю, тут надо подумать как следует. Ой, смотри, а вот эта девушка же там на скамейке сидела? Это же она идёт?

ЛЕНА. Да? Не знаю. Мне кажется, нет. Понимаешь, как-то бессмысленно всё. Может, в хоспис пойти работать?

СЕРЁЖА. Ну что ты – погода такая хорошая.

ЛЕНА. Какой-то смысл.

СЕРЁЖА. Надо, чтобы ты меня ещё подтянула в английском. Так ты считаешь, у меня харизма?

ЛЕНА. Всегда была. Так что твой брат?

СЕРЁЖА. Брат? Да нормально. Вот, приехал погостить, говорю же.

ЛЕНА. Жалко.

СЕРЁЖА. Почему жалко? А, ты в этом смысле. Да, жалко. У нас теперь машина.

ЛЕНА. В машине только студенты.

СЕРЁЖА. Не, ну можно было бы в гостиницу.

ЛЕНА. Так поехали.

(У Серёжи звонит телефон).

СЕРЁЖА *(ласково)*. Алло... Да, не очень удобно... Я тебе перезвоню сегодня, ага?... И я. Пока.

ЛЕНА. Так поехали?

СЕРЁЖА. Давай просто погуляем для разнообразия.

ЛЕНА. А для чего я тебе?

СЕРЁЖА. Вообще?

ЛЕНА. Вообще.

СЕРЁЖА. Ну, ты заполняешь нишу. Ты так хорошо заполнила одну нишу в моей жизни.

ЛЕНА. Нишу? Какую нишу?

СЕРЁЖА. Одну из пяти. Закрыла гештальт. Я тебя так хотел тогда, когда ты была училкой.

ЛЕНА. А кто тебе звонил?

СЕРЁЖА. Ха, это ты среагировала на мой нежный голос, да?

ЛЕНА. Да.

СЕРЁЖА. Это звонила моя подруга. Мы с ней иногда встречаемся, разговариваем по бизнесу, я ей помогаю. У нас, кстати, нет секса. Хотя мы шутим по этому поводу.

ЛЕНА. Ты не говорил мне, что у тебя есть подруги.

СЕРЁЖА. Я полиаморный. Я давно хотел тебе сказать.

ЛЕНА. Какой?

СЕРЁЖА. Полиаморный. Поли – много, аморе – ты знаешь.

ЛЕНА. Полиаморный? Прикольно.

СЕРЁЖА. Моногамные отношения устарели.

ЛЕНА. Да? Прикольно.

СЕРЁЖА. Да. И институт брака. Сама знаешь.

ЛЕНА. Да?

СЕРЁЖА. Да.

ЛЕНА. Так у тебя есть любовницы?

СЕРЁЖА. Не любовницы. А любимые женщины. Романы в разных стадиях.

ЛЕНА. А я?

СЕРЁЖА. И ты.

ЛЕНА. Я тебе нужна?

СЕРЁЖА. Мы бы не встречались.

ЛЕНА. А сколько нас?

СЕРЁЖА. Это не важно. Я понимаю, это неожиданно для тебя. Ты еще не готова. Обычно я говорю после третьего секса. Но с тобой...

ЛЕНА. Да, неожиданно.

СЕРЁЖА. Это как дружба. Вот у тебя же несколько подруг? У меня тоже.

ЛЕНА. Так я не рожу тебе мальчика с голубыми глазами?

СЕРЁЖА. Лен, ты чё?

ЛЕНА. Нет?

СЕРЁЖА. Лен, подожди, ты сейчас о чём, вообще?

ЛЕНА. О нас.

СЕРЁЖА. Мы встречаемся два раза в неделю, уже три месяца. Занимаемся сексом.

ЛЕНА. Любовью.

СЕРЁЖА. Любовью?

ЛЕНА. Я всегда хотела сказать тебе: «Да, любимый», когда ты звонил.

СЕРЁЖА. Правда? И почему не сказала?

ЛЕНА. Ты мне ни разу не позвонил, когда я была в командировке.

СЕРЁЖА. Так ты же сказала: не отвлекай меня!

ЛЕНА. Неделю. Целую неделю спокойно жил.

СЕРЁЖА. А ты?

ЛЕНА. Я тебя люблю.

СЕРЁЖА. Неожиданно.

ЛЕНА. А ты?

СЕРЁЖА. Неожиданно. Я думал, мы просто встречаемся, хорошо проводим время. У тебя есть муж.

ЛЕНА. У меня его уже год как нет.

СЕРЁЖА. Как? Да ладно! Что ты имеешь в виду?

ЛЕНА. Я хотела всё-всё наладить в твоей жизни, чтобы ты был счастлив.

СЕРЁЖА. Да, ты делаешь меня счастливее, это правда...

ЛЕНА (*перебивая*). Я буду по тебе ужасно скучать, любимый.

Лена быстро уходит.

СЕРЕЖА. Лена!

21. Офис. Тамара и Александра работают.

ТАМАРА. Ну что, чайком закинемся?

АЛЕКСАНДРА. Спасибо, я зубы почистила.

ТАМАРА. Фарфоровые-то? Ничё им не станет.

АЛЕКСАНДРА. У меня еще свои почти все.

ТАМАРА. Ну да, ну да. Допустим. И ногти свои. И лифчик без поролона. Как ваш муж поживает, Александра?

АЛЕКСАНДРА. А что, мы теперь на «вы»? Мой муж поживает прекрасно. А почему вы интересуетесь?

ТАМАРА. Всё хочу спросить: а как ваша сестра, нормально? Не обижаются, что вы у неё мужа увели?

АЛЕКСАНДРА. Тамара, ты чего?

ТАМАРА. А что?

АЛЕКСАНДРА. Так это было десять лет назад, и вообще, при чём тут, он сам...

ТАМАРА (*перебивая*). Это же ваш четвертый муж, да?

АЛЕКСАНДРА. Тома, может, хватит.

ТАМАРА. Нет! Не хватит! Мужиков не хватит на всех!

АЛЕКСАНДРА. Так. Что происходит?

ТАМАРА. Я видела, вы вчера с Геной поехали куда-то на машине.

АЛЕКСАНДРА. И что?

ТАМАРА. А то.

АЛЕКСАНДРА. И что?

ТАМАРА. А то!

АЛЕКСАНДРА. Ну и что?

ТАМАРА. Он у меня ночевал, он не говорил тебе?

АЛЕКСАНДРА. Что?

ТАМАРА. Сашка, я не шучу. У меня миома была, ты знаешь. Так после него рассосалась.

АЛЕКСАНДРА. Боже мой.

ТАМАРА. Я узи сделала. Нет миомы. И это после одной ночи.

АЛЕКСАНДРА. Боже мой.

ТАМАРА. Так куда вы поехали?

АЛЕКСАНДРА. Да я просто довезла его до метро. Станный он стал какой-то. На машине не ездит. Весь в синяках, глаза бешеные. Просто разговаривали. А вы давно?

ТАМАРА. Саша, я ему буду трусы стирать на руках детским мылом, чтобы аллергии не было. Буду на цырлах перед ним. Шелковое бельё постельное купила. Отдай мне его. У меня десять лет никого не было.

АЛЕКСАНДРА. Так а... Да я...

ТАМАРА (*перебивая*). Ведь поматросишь – и бросишь.

(пауза)

АЛЕКСАНДРА. Я тут с дочкой говорила недавно. И она спрашивает: ну что, мам, ну расскажи, мам. У тебя же столько всего было, романов столько. А я говорю: да никак. Нечего вспомнить. Все какие-то никакие. Никак.

ТАМАРА. Да ладно, а вот, ты рассказывала...

АЛЕКСАНДРА *(перебивая)*. А он меня поцеловал – и как будто окошко протёрли. Глаза такие стали у него – раньше не замечала. Такие тёплые. Мы ехали вчера и разговаривали-разговаривали... Никогда не могла по душам так поговорить с мужчиной. А с ним говорили-говорили... До дома его довезла, и еще два часа сидели в машине и говорили. Он мне эскимо купил.

ТАМАРА. О чём? О чём говорили?

АЛЕКСАНДРА. Говорили-говорили, а такое ощущение, что любовью занимались. Понимаешь, они же все такие, мужчины, ну, о них только пораниться, заплакать и убежать. А Гена такой, оказывается, я не знаю... нежный. Надо же, семь лет вместе проработали, а я не замечала. Да он другим был. Что это с ним? Я вчера как на крыльях. И проснулась сегодня такая счастливая! Еду на работу, а мне мужики разные подмигивают, улыбаются. Флюиды у меня образовались.

ТАМАРА. Ну-ну.

АЛЕКСАНДРА. На собачий приют перечислила денег. Такое настроение хорошее. Спасла, значит, хотя бы пару. Том?

ТАМАРА. Да ничего.

АЛЕКСАНДРА. Том, я не знала, что у вас, ну...

ТАМАРА. Да нет, нет ничего. Я наврала. Ничего не было. Просто переночевал. Наверное, пьяный был, не знаю. И я, наверное. Не знаю. Он со мной не разговаривал. Не целовал.

АЛЕКСАНДРА. Да не надо, не утешай меня.

ТАМАРА. Да честно, Саш, вот те крест.

АЛЕКСАНДРА. Забирай.

ТАМАРА. Да не пойдёт он ко мне.

АЛЕКСАНДРА. Тома, ну почему ты так к себе...

ТАМАРА *(перебивая)*. Да не пойдёт.

(пауза)

АЛЕКСАНДРА. А давай виски бахнем? У меня есть.

ТАМАРА. Так еще четыре часа работать, баланс...

АЛЕКСАНДРА. Да какой там баланс? Сплошной дисбаланс. Да пошли они все.

(Александра достает и разливает виски).

АЛЕКСАНДРА. Ничего не было, ничего нет, ничего не будет. Аминь.

(чокаются, выпивают)

Мужу говорю: да на что вы годитесь? Ты, вон, вообще как мебель стал. А он говорит мне: ну да, не годимся ни на что, а цивилизацию кто создал? А я ему говорю: так и сосед наш тоже создал цивилизацию. Тараканов развёл, мышей. Еле извели эту цивилизацию. В ЛТП по суду отправили.

ТАМАРА. Да пошли они все.

АЛЕКСАНДРА. А поехали, Тома, в Киев.

ТАМАРА. В Киев?

АЛЕКСАНДРА. Погуляем дня три. Поехали? Прямо сейчас. Там хорошо так! Всё цветёт! Воздух такой влажный!

ТАМАРА. А поехали. Пошли они все.

Они выпивают, встают и уходят.

22. *Квартира Ивановых. Лена и Гена сидят на диване, но не рядом.*

ЛЕНА. Может, это у тебя от того, что ты курить бросил?

ГЕНА. Нет.

ЛЕНА. Может, ты наркотики употребляешь?

ГЕНА. Нет.

ЛЕНА. Ты алкоголик?

ГЕНА. Нет.

ЛЕНА. У тебя депрессия?

ГЕНА. А у тебя?

ЛЕНА. Я же не люблю тебя давно.

ГЕНА. Я знаю.

ЛЕНА. Давай разведёмся?

ГЕНА. А смысл?

ЛЕНА. А смысл.

ГЕНА. Ну вот и я говорю.

ЛЕНА. Там счета за квартиру пришли.

ГЕНА. Да.

ЛЕНА. Полотенцесушитель не работает.

ГЕНА. Да.

ЛЕНА. Я разбила чашку.

ГЕНА. Хорошо.

ЛЕНА. Отпусти меня.

ГЕНА. А где дочь?

ЛЕНА. Не знаю.

ГЕНА. Кота кормила?

ЛЕНА. Отпусти меня, пожалуйста.

(Гена кормит кота. Звонок в дверь, заходит Захар).

ЗАХАР. Здравствуйте, Алеся дома?

ЛЕНА. Нет.

ЗАХАР. У неё телефон не отвечает.

ЛЕНА. Да?

ЗАХАР. Понимаете, я звоню-звоню, а телефон выключен.

ГЕНА. Что случилось?

ЗАХАР. Да понимаете...

ГЕНА. Говори всё.

ЗАХАР. Да ничего особенного...

(Гена хватает Захара за грудки).

ЗАХАР. Мне кажется, она на крыше. Как бы не спрыгнула. Я покажу дом, но туда не пойду!

23. Гена бежит по улице.

ГЕНА. Сегодня. Сегодня особый день – ты помнишь? Сегодня особый день. Я должен что-то сделать. Я проснулся и должен что-то сделать. Сейчас или никогда. Как будто весь мир смотрит на меня, а я в ослепляющем свете. И вот, я бегу, бегу, оболочки порваны. Листья заматерели. Белые цветы яблонь осыпались. Лето. И я бегу, сбивая старушек, по ногам меланхоликов, я мчусь, чтобы успеть сделать хотя бы что-то. Раны на моём теле зудят. Вены на ногах набухли от быстрого бега. Поры выделяют воду с раствором страха и соли. Я рву рубашку в плечах, пуговицы осыпаются. Ярость. Моя ярость бежит вместе со мной. Быстрее. Успеть сделать хотя бы что-то. Хотя бы что-то. Спасти.

24. Алеся и Гена на крыше. Алеся сидит на краю в платье невесты, отхлёбывает виски из бутылки и листает какую-то тетрадку.

АЛЕСЯ. Папа?

ГЕНА. Алеся, пойдём домой.

АЛЕСЯ. Папа, где же ты был, папа?

ГЕНА. Алесичка, пойдём домой.

АЛЕСЯ. Я так соскучилась по тебе.

ГЕНА. Я тоже. Пойдем домой, дочь.

АЛЕСЯ. Мне тебе столько нужно рассказать! Видишь, я записалась в клуб небесных невест. Надо нарядиться в свадебное платье и прыгнуть. Они сидят на других крышах, другие невесты. Сегодня вечер облетающих сакур. Все прыгнут. Правило номер восемь: самоустраняйся. Я написала учебник, папа, «Учебник дерзости», вот *(протягивает Гене тетрадку, он подходит, но берет не тетрадку, а крепко хватая Алесю за руку)*. Ну что ты?! Мне тут так хорошо. Девочкам из клуба «Учебник» очень понравился, представляешь? Там есть разные правила, всего восемь, и мы всё иллюстрировали, знаешь, коллажи там всякие, и кровью ещё залили. Порезали пальцы и залили.

ГЕНА. Пожалуйста, пойдём со мной, я тебя очень прошу.

АЛЕСЯ. Как тебе кажется: я красивая? Многие считают, что красивая. А это важно, как ты считаешь?

ГЕНА. Пойдем домой.

АЛЕСЯ. А как ты считаешь, какое у меня будущее? У меня есть будущее, как ты считаешь, папа?

ГЕНА. Не пей больше.

АЛЕСЯ. Я хочу, чтобы ты сидел где-нибудь далеко, но не очень далеко, а чтобы я видела твои глаза. И чтобы ты плакал от восхищения. Смотрел на меня и плакал, и думал: бля, какая у меня дочь! И чтобы ты обнимал меня, а я тебя, и нам было бы хорошо вместе молчать. Я хочу, чтобы ты был, папа. Чтобы я могла звонить тебе несколько раз в день и рассказывать, как у меня дела, а ты

бы встречал меня, когда темно, с тёплой кофтой. Ведь так бывает? Как ты считаешь, так бывает? Я где-то потеряла тебя по дороге.

ГЕНА. Правило номер девять: я люблю тебя.

АЛЕСЯ. А ты можешь для меня сделать одну вещь?

ГЕНА. Какую?

АЛЕСЯ. Можешь? Скажи: могу.

ГЕНА. Могу.

АЛЕСЯ. Пойдем. Тут недалеко.

25. Алеся и Гена стоят перед дверью квартиры Парасюка. Алеся звонит в дверь, открывает Парасюк.

АЛЕСЯ. Вот, Парасюк, это подарок (*протягивает ему тетрадку*). Папа, это Парасюк. Я хочу, чтоб ты дал ему в морду. Много раз.

ПАРАСЮК. В чём дело?

ГЕНА. А за что?

ПАРАСЮК. Я не имею отношения к вашей дочери. Она сама таскается и таскается. (*Алесе*) Ты зачем мне букеты под дверь кладешь?

АЛЕСЯ. Это для Жизель.

ГЕНА. А что случилось?

ПАРАСЮК. У меня есть девушка. Она не хочет, чтобы какие-то сумасшедшие подкидывали нам цветы.

АЛЕСИЧКА. Та глухонемая? Ты её спасаешь и по ночам?

ПАРАСЮК. Не твоё дело!

ГЕНА. Алеся, что он сделал?

АЛЕСЯ. Папа, ты можешь не задавать глупых вопросов?

ГЕНА. Хорошо.

(Гена бьёт Парасюка, тот падает. Алеся задирает платье – на ней трусы Парасюка).

АЛЕСЯ. Видишь, как я скучаю по тебе, Парасюк? Я всю неделю ношу твои трусы. Стираю на ночь, сушу на батарее и снова надеваю. Папа, продолжай.

ГЕНА. Прости, друг, ничего личного.

(Гена снова бьёт Парасюка, тот защищается, тоже бьёт, драка в разгаре. Алеся пьёт виски).

ГЕНА (*наносит удары Парасюку*). Алеся, прости меня. Я засранец, Алеся. Прости меня. Прости меня, дочь. Прости меня. Прости, я больше не потеряюсь. Прости.

(Гена побеждает, Парасюк валяется на полу).

ПАРАСЮК. Психи. И дочь, и папаша. Психи. Я полицию вызову.

ГЕНА. Не вызовешь. Правило номер десять: не вызывай полицию, если совратил малолетнюю.

Алеся обнимает Гену за талию и они уходят.

26. Гена и Татьяна сидят на лавочке на улице.

ТАТЬЯНА. Вы же ничего не знаете про меня.

ГЕНА. Не знаю.

ТАТЬЯНА. Что-то вы угадали, да. Как вы угадали?

ГЕНА. Что?

ТАТЬЯНА. Например, про сердце. Я пошла к кардиологу, сделала ЭКГ. Надо лечить, конечно.

ГЕНА. Сердце. Снежная королева.

ТАТЬЯНА (*достаёт бумажку*). Нет. Вы всё-таки не правы. Вот, я написала. Я села и написала. Это добрые дела мои. Я не такая, вы ошиблись, Геннадий. Не знаю вашего отчества.

ГЕНА. Добрая.

ТАТЬЯНА. Да, я делаю добрые дела. Вот, пожалуйста. (*читает по бумажке*) Дала денег женщине в метро, она собирала на операцию. Это двадцать шестого. А вот на другой день двадцать седьмого там же дала женщине с ребенком.

ГЕНА. Этой же?

ТАТЬЯНА. Этой же?

ГЕНА. А двадцать восьмого она пришла в метро с собакой?

ТАТЬЯНА. Она? Нет, та была в косынке. С собакой тоже давала, да, на прокорм. Я собак вообще люблю. У нас жила в подъезде бездомная собака, я её кормила всегда. Когда маленькая была, у нас дома кавказец жил, Полкан, огромный такой, умер. И вот та дворняга в подъезд к нам пришла, голодная, худая. Соседка хотела выгнать, но я не дала. Кости таскала ей. А потом она ребенка соседкиного покусала, пришлось выгнать. Так жалко.

ГЕНА. Ребёнка?

ТАТЬЯНА. Собаку. Ну и ребёнка, конечно, тоже. Конечно. Сердце разрывается. Эти бездомные собаки. «Белый Бим – чёрное ухо» смотрели?

ГЕНА. Сердце разрывается.

ТАТЬЯНА. В общем, вы не правы. Вот, я всё записала. Отдала дворникам рубашки мужа старые. Почти как новые, но старые. Они рады были. Им же через два дня стол письменный, хороший, крепкий. Им же хулахуп. Всё записано. Это в прошлом месяце.

ГЕНА. Хулахуп?

ТАТЬЯНА. А вот пенсионерке-соседке дала горшок для цветов, она спасибо сказала.

ГЕНА. Хорошая девочка.

ТАТЬЯНА. В общем, не знаю, с чего вы так на меня напали тогда. Я хороший человек, правда.

ГЕНА. Ты молодец.

ТАТЬЯНА. И детей люблю. Изучаю их психологию. Люблю улыбки их лучезарные. Они меня тоже любят. Они мне открытки делают и приносят. У меня полный шкаф этих открыток, вы же ничего не знаете! Я пересчитала вчера – семьдесят девять открыток только к Новому году! Вы же не видели ничего! Как можно так говорить! У меня есть благодарственный письма, грамоты, про меня даже в местной газете писали! Может, я в депутаты пойду!

ГЕНА. Да, пойдёшь. Ты пойдёшь.

ТАТЬЯНА. В общем, как можно обвинять человека в таком! Я заслуженный деятель образования, на минуточку.

ГЕНА. Дорогая, ты очень мало танцуешь – тебе надо чаще танцевать. Ты немножко деревянная. Хотя, тебе и танцы не помогут уже.

ТАТЬЯНА. Кто вы такой? Вы-то сами кто такой? Что вы-то сделали для людей?

ГЕНА (*достаёт тысячную купюру и читает по ней*). Двадцать шестого я сходил в суд и не спас одного несправедливо обвинённого. Не наказал судью. Не нашёл пропавшую девочку с голубыми глазами, которую искали на фейсбуке. И ещё пятерых детей в том месяце не нашел. На подъезде висело объявление: пропал кот, я его тоже не нашёл. Нужно было перечислить деньги на яндекс-кошелёк – мальчик умирал от рака. Я не перечислил. Актёр. Актёр хороший, в сказке одной играл, помнишь? Такого колдуна? Ну как его? Забыл имя. Ну как его?

ТАТЬЯНА. Я не помню.

ГЕНА. В общем, я его тоже не спас. Он умер. И еще один умер актёр и актриса. Она поймала машину и разбилась. Меня рядом не оказалось. Друг мой спился. Он как-то незаметно спился. Я мог бы заметить. Я мог бы спасти. А вчера звонила знакомая одна. Говорит: упала и ногу сломала. А я в тот вечер напился, когда она сломала, а мог бы позвонить ей, поговорить, и всё было бы по-другому, понимаешь? А на севере, слышала, маньяки отвертки детям в горло втыкают. А вчера читал в Китае вырезают из людей органы, представляешь, а я даже не подписал петицию, даже не поставил лайк, не сделал перепост, а мог бы! А в Израиле опять взрывают! А ещё...

ТАТЬЯНА (*перебивая*). Хватит! Хватит!

ГЕНА. Мир рушится, а что я могу сделать?

ТАТЬЯНА. Хватит!

ГЕНА. Мир рушится, а я тебе нравлюсь.

ТАТЬЯНА. Хватит!

ГЕНА. Я нравлюсь тебе?

ТАТЬЯНА. При чём тут это?

ГЕНА. Ты поэтому пришла?

ТАТЬЯНА. Я пришла сказать, что я не такая.

ГЕНА. Ты хорошая. Ты это хотела услышать?

ТАТЬЯНА. Я за справедливость. Геннадий.

ГЕНА. Можно просто Гена.

ТАТЬЯНА. Гена.

ГЕНА. Таня.

ТАТЬЯНА. Я хороший человек.

ГЕНА. Ты увидела меня голого и захотела прийти?

ТАТЬЯНА. Вас не очень покалечил наш Валентин?

ГЕНА. Может, тебе теперь нравится Вольф Эльбрух? Художник.

ТАТЬЯНА. Так он лупил, я думала, убьёт. Я ему выговор сделала даже.

ГЕНА. Дорогая, я не смогу ответить взаимностью.

ТАТЬЯНА. Я хотела просто поговорить, просто поговорить.

ГЕНА. Понимаешь, я другой теперь. Тот человек был застегнут на все пуговицы, даже в жару. Если садился за стол, то садился очень прямо, ровно держал спину и не мог расслабиться. Поминутно вскакивал и смотрел в окно – как там его дорогая тачка - ужасно смешно. Стеснялся говорить о чувствах, не умел обниматься и целоваться, представляешь. Когда его обнимали, он деревенел, и даже дыхание останавливалось. Во время секса он делал всё правильно, по плану, но никому не нравилось. Когда кто-то волновался рядом – ему становилось страшно и начинала болеть голова. Больше всего он любил,

когда его оставляют в покое. Он хотел оттаять, и встречал для этого разных женщин, они раздевались голые, но он ничего не чувствовал кожей, и не помнил, как они пахнут. Пластик. Такой я был.

ТАТЬЯНА. Ну, я пойду.

ГЕНА. Знаешь, у тебя теперь другие глаза.

ТАТЬЯНА. Да что ты знаешь про мои глаза, Гена.

Татьяна уходит.

27. Квартира Ивановых. Гена в ванной.

ГЕНА. Папа умер. Папа умер. Папа умер. Ты не виноват. Ты не виноват. Ты не виноват. Нет, это я говорю не тебе, это голос. Мой голос. Это не я тебе говорю. А где я? Папа умер, а мне было пять лет. Он болел, и я думал, что если соберу для него немножко крови, то он выздоровеет, а он умер. Ты мало крови собрал, мало. Мало крови собрал. Ты не старался. Нет, я старался, я резал пальцы и капал кровь в колпачок от шампуня, пока мама не видит. Она думала, я порезался на улице. А у меня было лезвие «Нева», я резал. Но папа умер всё равно. Я старался. А потом я старался, чтобы мама не умерла. Было страшно, а вдруг? И она не умерла. Я старался – и она не умерла. Я держал спину прямо, тихо говорил, не бегал, слушался. Ел всё, что говорят. Приносил маме тапочки. Я уже ничего не чувствовал, не чувствовал свои руки, ноги. Только идеи, только идеи рук и ног. Она не заболела, и я поверил в себя. Ты поверил в себя? Да ладно! Заткнись, заткнись! Пошёл отсюда! Я поверил в себя! И ты ушёл тогда! Уходи!

Ты слышишь меня сейчас, сынок? Мне кажется, ты мальчик. Попроси свою маму за меня. Пусть она даст мне шанс. Я уже никогда не буду таким застёгнутым. Ты понимаешь? Я оттаял. Я уже никогда не буду таким. Я не хочу тебя отпускать. Когда твоя мама спала, я порезал себе руку, потом тихо подошел к ней с бритвой. Я нашёл эти лезвия «Нева». Я подошел к ней и нежно провёл по её коже. Она даже не почувствовала, продолжала тихо дышать во сне. Вытекла пара капель крови. Как тогда, помнишь? Год назад как раз. Сегодня ровно год. Тогда всё было залито кровью, вся кровать. Мы потеряли тебя. Врач сказал, на таких сроках непонятно, выкидыш, но мне кажется, ты - пацан. Я ничего не чувствовал тогда, только было жалко матрас. Представляешь, было жалко матрас. Как там ты? Тебе было больно? Мне больно. Теперь, когда вытекла только капля её крови, я умирал. Так жалко стало! Сердце разрывалось на части и эти части пульсировали в ушах, я вспотел. Я смешал нашу кровь, и теперь она совсем моя. Я люблю твою маму. Я хочу, чтобы она меня похоронила, когда я стану старым и умру. Я хотел бы, чтобы ты был рядом, сын, но у тебя нет даже могилы. Но я чувствую тебя. Я буду всё чувствовать. Я буду чувствовать каждой порой. Ты веришь? Ты мне веришь? Ты не спас, ты никого не спас, что ты тут врешь? Ты никого не спас! Заткнись! Заткнись! Уходи отсюда!

Раздается стук в дверь ванной.

ЛЕНА. Гена! Ты что там делаешь так долго? Ты там с кем разговариваешь?

КОНЕЦ